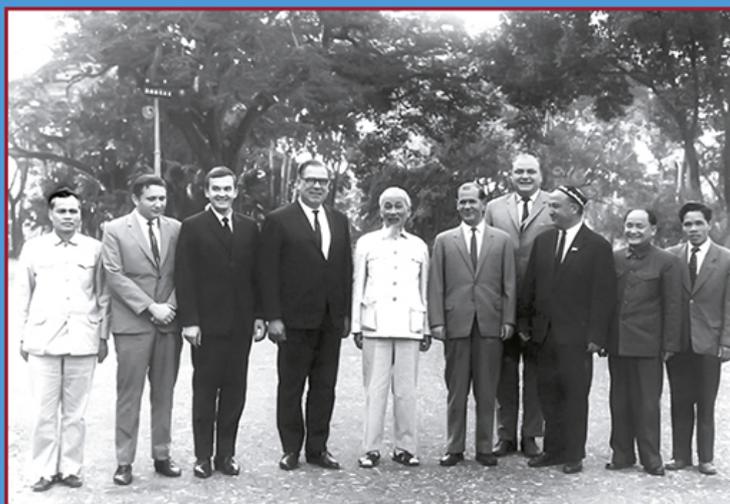
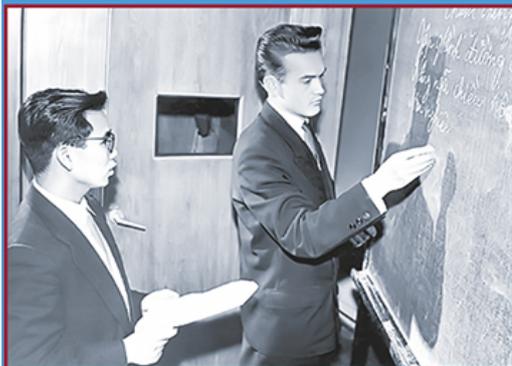

А.С. ЗАЙЦЕВ

**ПОЛВЕКА
С ВЬЕТНАМОМ**

*Записки
дипломата*

Анатолий Зайцев

**Полвека с Вьетнамом. Записки
дипломата (1961–2011)**

«Спорт»

2020

ББК 84.4

Зайцев А. С.

Полвека с Вьетнамом. Записки дипломата (1961–2011) /
А. С. Зайцев — «Спорт», 2020

ISBN 978-5-906132-43-7

В основу книги положены личные впечатления автора о командировках во Вьетнам в период 1961–2011 гг. Вошедшие в сборник очерки основаны на малоизвестном широкому читателю фактическом материале, это своеобразный дневник, живое свидетельство непосредственного участника и очевидца многих важных событий в истории отношений наших двух стран. «Эта книга, – пишет автор, – скромная дань любви и уважения героическому, трудолюбивому и талантливому народу Вьетнама, с которым судьба связала меня на протяжении более полувека». В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

ББК 84.4

ISBN 978-5-906132-43-7

© Зайцев А. С., 2020

© Спорт, 2020

Содержание

Здравствуй, Вьетнам	8
На институтской скамье	9
Кровные узы вьетнамского брата	12
Юрий Гагарин высоко и вблизи	14
Впервые во Вьетнаме	16
Назначение в Ханой	17
На объектах экономического сотрудничества	19
На линии разлома	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анатолий Зайцев
Полвека с Вьетнамом. Записки
дипломата (1961–2011)

*Автор выражает глубокую благодарность ГлавУпДК при
МИД России, Ассоциации российских дипломатов и Фонду ветеранов
дипломатической службы за оказанное содействие в издании книги*

Издание Фонда ветеранов дипломатической службы

© Зайцев А. С., текст, фото, 2020

© Издательство «Человек», издание, оформление, 2020

Здравствуй, Вьетнам

На институтской скамье
Кровные узы вьетнамского брата
Юрий Гагарин высоко и вблизи
Впервые во Вьетнаме

На институтской скамье

В августе 1956 года, находясь под впечатлением известий о героической борьбе вьетнамского народа против колонизаторов и первого официального визита в нашу страну правительственной делегации молодой Демократической Республики Вьетнам во главе с президентом Хо Ши Мином, я поступил на вьетнамское отделение только что открытого Института восточных языков при Московском государственном университете имени М. Ломоносова и увлеченно занялся изучением истории, литературы и языка тогда еще мало знакомой далекой страны.

Помню, как уже на первом курсе, едва освоив с десяток фраз на оказавшемся совсем непростом, но необыкновенно мелодичном языке, я искал случая заговорить на улице и метро с вьетнамскими сверстниками на их родном языке. До сих пор – хоть разбуди ночью – спую без запинки, правда, только начальные куплеты («ланг той сань баунг че...») первой разученной мною вьетнамской песни «Lang toi» («Моя деревня»). Ее выбрал для исполнения нашей группой на институтском празднике сын принца Суфанувонга, будущего первого президента Лаосской народно-демократической республики. Разучивать эту песню я несколько раз приходил к нему в интернат для детей вьетнамских и лаосских руководителей и сирот героев войны (он занимал тогда бывший особняк Берии на Малой Никитской, где сейчас располагается посольство Туниса).

Принадлежность Института восточных языков, позднее переименованного в Институт стран Азии и Африки, к семье Московского государственного университета им. М. Ломоносова открывала для меня широкие возможности для продолжения самообразования, включая посещение лекций известных ученых на других факультетах, прежде всего соседних историческом и филологическом. Доступ в их библиотечные фонды помог знакомству с ранее недоступными мне дореволюционными изданиями произведений русских и зарубежных писателей и поэтов, которые находились тогда фактически под запретом и после революции не переиздавались.

В то время, которое позже историки отнесут к середине «хрущевской оттепели», мы буквально набросились без разбора на дореволюционные издания поэтов Серебряного века, в прошлом очень популярных или скандально известных, чьи имена лишь упоминались, и то не все, оставаясь за пределами школьной программы. Теперь все это стало доступно, и я благодаря богатым фондам библиотеки филфака, восполняя пробелы образования, перечитал взахлеб от не издававшихся у нас сочинений русских классиков до символистов А. Белого и К. Бальмонта, футуриста В. Хлебникова, а также И. Северянина, С. Черного и многих других. Помню, как в институтском литературном кружке мы долго спорили, кто прочтет тех или иных полюбившихся поэтов. Мне несколько раз «доставался» Э. Багрицкий, однотомник стихов которого только что вышел из печати. Запомнилась встреча с Андреем Тарковским в клубе МГУ на ул. Герцена с его сбивчивым рассказом о съемках «Иванова детства», концерт А. Вертинского в Доме кино, премьеры «Гамлета» с М. Казаковым в главной роли в театре Маяковского в постановке Н. Охлопкова.

Напоенный воздухом «хрущевской оттепели», мой и однокурсников эмоциональный подъем еще больше укрепился во время общения с нашими сверстниками из разных стран в дни VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов летом 1957 года. Общение с делегацией Вьетнама – для роли официального переводчика я, понятно, еще не годился – стало для меня первым практическим опытом применения приобретенного на первом курсе института еще скудного словарного запаса на языке, который только недавно начал осваивать.

На втором курсе института посещал лекции на факультете психологии, под влиянием своего преподавателя и лекций на истфаке увлекся археологией, во время летних каникул участвовал в организованной Институтом археологии Академии наук экспедиции на Сред-

ний Урал и в Западную Сибирь. Как лаборант занимался поиском и копированием на кальку наскальных рисунков народов ханты и манси. Из экспедиции вынес незабываемые впечатления: стойкое неприятие запаха диметилфталата, средства от комаров, с помощью которого за неимением тогда другого, удавалось спастись хоть на короткое время от мошкары; настоящая баня по-черному по воскресеньям с ее особым ритуалом в деревнях старообрядцев, танец шамана у костра на заброшенном прииске и небывалое нашествие в тот год энцефалитных клещей в пригороде Тюмени, где мы останавливались на ночлег.

Взялся с группой однокурсников за выпуск первой институтской стенгазеты (меня выбрали главным редактором). Вольнодумный привкус ряда студенческих статей и заметок не всем нравился в ректорате, что не раз становилось предметом разбирательств.

В декабре 1957 года, принятый внештатным референтом в Комитет молодежных организаций (КМО), по заданию редакции его «Информационного бюллетеня» взял интервью у матери Героя Советского Союза Саши Чекалина о переписке с вьетнамской молодежью и опубликовал свою первую журналистскую статью.

Тогда же, осознав, что без регулярного живого общения с носителями вьетнамского языка его по-настоящему не осилить (к тому же ежедневно приходилось тратить несколько часов на дорогу: сначала на автобусе до станции плюс больше часа на электричке и затем на метро), не без труда добился места в студенческом общежитии МГУ в Сокольниках на улице Стромынка, где комнату со мной первый год делили вьетнамский студент и аспирант из Китая. От общения с вьетнамцем, которому я постоянно докучал расспросами с блокнотом в руках, вынес умение неплохо различать беглую вьетнамскую речь и, признаюсь, более основательное знакомство с ненормативной лексикой. Впоследствии демонстрировал свои познания только в узком кругу по просьбе вьетнамских собеседников, что приводило их в полный восторг.

Ценным для меня было общение с вьетнамскими студентами различных московских вузов. Избрав темой своей курсовой работы культ предков и другие общинные верования во Вьетнаме, к концу четвертого курса опросил сто пятьдесят вьетнамских студентов различных институтов, записав их рассказы о том, как отправляется культ духа – хранителя деревни в общинных домах их родных деревень. За эту работу был отмечен премией Научного студенческого общества.

Об учебе на третьем курсе напоминает мне сохранившаяся вырезка из центральной вьетнамской молодежной газеты (в ней опубликованы письмо нашей группы, адресованное вьетнамским студентам, изучающим русский язык в вузах ДРВ, и фотография, на которой под диктовку преподавателя я что-то пишу на доске на вьетнамском).

На четвертом курсе мой тогдашний романтический настрой отражает выбор для первого перевода старинной вьетнамской легенды «Ты Тхык», опубликованной в сборнике студенческих работ.

В том же году моей первой за границей была Чехословакия, где я побывал в составе студенческой делегации МГУ. Эта поездка запомнилась радушным приемом, особенно в Словакии – Прешове и Михалевцах. Не забуду, как жители в одном селе, где побывала наша группа, узнав, что мой отец воевал в этих местах, участвовал в освобождении Праги и награжден чехословацкими орденом и медалью, наперебой зазывали меня в свои гостеприимные дома и долго не отпускали, вспоминая военные годы.

Тему своей дипломной работы – «Молодежное движение во Вьетнаме» избрал на практике в ЦКШ в Вешняках и подготовил на базе собранных там материалов.

И теперь, полвека спустя после окончания вуза с большой благодарностью вспоминаю своих институтских наставников, прежде всего ярких, талантливых и увлеченных преподавателей языка, литературы и истории Вьетнама М.Н. Ткачева и Д.В. Деопика, которые сумели с самого первого курса направить мою неумную энергию в полезное русло. Поощряя углублен-

ное изучение профильных предметов на факультетах университета, они привили мне устойчивый интерес к научной работе, что очень помогло в дальнейшем.

Кровные узы вьетнамского брата

До сих пор хранит память встречу с матерью Героя Советского Союза Саши Чекалина¹ Надеждой Самойловной в ее небольшой квартире на Ново-Песчаной улице. В декабре 1957 года, в ту пору студент 2-го курса вьетнамского отделения Института восточных языков при МГУ, по заданию редакции «Информационного бюллетеня» Комитета молодежных организаций СССР я взял у нее интервью и опубликовал свою первую журналистскую статью.

С большим волнением перечитываю старые записи в блокноте. «Летом 1957 года, – рассказала в беседе Надежда Самойловна, – после моего выступления на слете выпускников школ Московской области ко мне подошел вьетнамский журналист и спросил, не могла ли я рассказать молодежи Вьетнама о моем сыне. В ответ на мое письмо, которое было опубликовано 7 ноября 1957 года в молодежной газете «Тьен Фонг» («Авангард»), я стала получать много писем со всех концов Северного Вьетнама от воинов Народной армии, рабочих, школьников и студентов».

На круглом столике в небольшой гостиной с трудом умещаются большие пачки писем в разноцветных конвертах. Простые, душевные слова матери героя, обращенные в письме к вьетнамской молодежи, ее сердечные пожелания еще крепче любить свою родину, преодолевать все трудности, выполняя свой долг перед родиной, как Саша, бороться за ее единство, за счастье своего народа взволновали юношей и девушек далекой страны. Внимательно вчитываюсь в старательно выведенные ровным почерком трогающие душу строки. Сколько искренних чувств, сыновней любви выражено в них!

«Дорогая мама, – пишет боец Народной армии Нгуен Хонг Лиен, прошу Вас считать меня своим сыном, потому что у меня нет матери. Я прошу Вас разрешить мне называть Вас мамой – словом, которое я не произносил вот уже пять лет».

«Я, вьетнамский юноша, – пишет ученик Ханойской средней школы Нгуен Мань Тиен, – очень счастлив, что у меня теперь есть в Советском Союзе мать, что я теперь как бы кровный брат советских юношей и девушек. Позвольте мне называть себя Вашим сыном и братом Саши...».

Когда знакомишься с письмами, перед глазами проходят события тех незабываемых лет в жизни вьетнамского народа. Героическими победами, во имя которых народ Вьетнама принес неисчислимые жертвы, отмечен его путь к свободе и независимости своей родины.

«Я помню, как во время войны враги сожгли мою родную деревню и расстреляли восемьдесят жителей. Среди них был мой восемнадцатилетний брат. Мой отец был схвачен и замучен пытками. Погиб и старший брат. Вспоминая об этом, я еще крепче сжимаю винтовку», – пишет молодой боец Ле Биа.

На землю Северного Вьетнама пришел мир, но страна разделена на две части, многие десятки тысяч людей оказались оторванными от своих семей. Народ Вьетнама хорошо знает виновников своих страданий. С каждым днем усиливается борьба за единство страны.

Вот что пишет об этом Надежде Самойловне боец ВНА Май Тинь: «Наша страна разделена и мне приходится жить вдали от матери, которая живет в Южном Вьетнаме. Я знаю, что режим Нго Динь Дьема не дает нам возможности встретиться и даже переписываться. Но я буду прилагать все усилия, чтобы наша Родина была объединена. Я обещаю Вам следовать в этой борьбе примеру Вашего сына Саши».

¹ 6 ноября 1941 г. Александр Чекалин, тогда 16-летний радист и разведчик партизанского отряда, действовавшего на территории Суворовского района Тульской области, схваченный фашистами, после пыток был повешен на глазах согнанных на казнь жителей деревни. Подвиг А. Чекалина 4 февраля 1942 г. был посмертно отмечен Звездой Героя Советского Союза.

И в жизни, и в борьбе вьетнамские юноши и девушки стремятся следовать примеру своих советских сверстников, юного героя Советского Союза Александра Чекалина.

«Я, член Союза трудящейся молодежи Вьетнама, обещаю Вам, что буду неуклонно выполнять Ваши советы – буду любить Родину, как Саша, буду учиться у него героизму».

«Мы обещаем Вам, что будем вырабатывать у себя такой характер, какой был у Саши. Это придаст нам новые силы в учебе, а потом и в работе», – пишут студенты из Ханоя.

«В строительстве новой жизни, в борьбе за объединение страны вьетнамский народ всегда встречал дружественную поддержку и помощь со стороны Советского Союза, – пишет студент Нгуен Ван Кхань. – Я учусь в Политехническом институте в Ханое, который был открыт благодаря помощи Вашей страны. Каждый день, слушая лекции советских специалистов или практикуясь на механизмах, присланных из Советского Союза, я с благодарностью вспоминаю советский народ. Нашей дружбе – 10 тысяч лет!»

* * *

Пишу эти строки в канун двух славных дат в жизни наших народов – 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне и 45-летия со Дня освобождения Южного Вьетнама.

Все больше времени отделяет нас от тех исторических событий. Но героические подвиги Александра Чекалина и его вьетнамских сверстников, отдавших свои жизни за завоевание этих великих побед, навсегда останутся живы в народной памяти, в сердцах каждого из нас.

Юрий Гагарин высоко и вблизи

Сообщение о космическом полете Юрия Гагарина мгновенно облетело коридоры Центральной комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ в Вешняках, где после четвертого курса института первую половину отведенного на преддипломную практику времени я стажировался в должности переводчика группы вьетнамских слушателей, вызвав всеобщее ликование у интернационального состава школы. Радостное возбуждение не покидало нас и в последующие дни. 14 апреля 1961 года, доехав на электричке до Казанского вокзала, мы колонной с портретами Юрия Гагарина направились к Красной площади. Выйдя на нее в многолюдном потоке демонстрантов и проходя мимо мавзолея, мы пристально всматривались в сторону его центральной трибуны, стараясь разглядеть стоявшего на ней легендарного космонавта.

Не думал я тогда, что вскоре мне посчастливится снова увидеть нашего кумира, на этот раз вблизи, и где – в Кремле!

Случилось это три месяца спустя на заключительном приеме для участников 2-го Московского международного кинофестиваля, на котором мне за месяц до отъезда во Вьетнам предложили «подработать» переводчиком вьетнамской делегации.

Когда до открытия фестиваля оставалось всего два дня (эта церемония состоялась вечером 9 июля 1961 года во Дворце спорта в Лужниках), оказавшись у Пушкинской площади, рядом с которой круглосуточно бурлила стройка, я как и другие прохожие, с любопытством наблюдал за лихорадочной работой множества стройбатовских солдат, гадал, успеют ли они вовремя привести в порядок территорию вокруг кинотеатра.

Однако к открытию кинофестиваля после последнего ночного аврала строители и организаторы кинофестиваля в очередной раз посрамили скептиков: в конце сквера на развалинах древних церковных строений выросло новое здание кинотеатра «Россия» (ныне «Пушкинский»). В день его открытия случилось непредвиденное. Кто-то из первых посетителей, еще не привыкший к широким дверным проемам из стекла, к тому же из-за спешки не обозначенными для наглядности цветными полосками, пытался пройти в него через стекло, серьезно поранив себя и других обрушившимися на головы осколками.

К началу проходившего в кинотеатре «Россия» конкурсного показа художественных лент, казалось, все было готово. Однако огрехи предфестивальной гонки продолжали напоминать о себе, и как это часто бывает, в самый не подходящий момент. Минут через десять после начала первого вечернего показа конкурсного фильма «Голый остров» Кането Синдо (ему задолго предсказывали Гран-при, и критики не ошиблись) экран внезапно потух. Еще дважды показ ленты возобновлялся и вовсе прекратился. Установилась томительная пауза: организаторы долго решали, продолжить демонстрацию фильма или отложить его повторный показ на другой день. Наконец, объявили, что прерванный «по техническим причинам» фильм будет показан на следующий день, и зрителям было предложено посмотреть следующую по программе конкурсную ленту. Праздничное настроение, и не только у меня одного, сохранившееся после теплых приветственных выступлений перед началом конкурсного показа, постепенно улетучивалось. Но, оставив в стороне эти и другие накладки, неизбежные при проведении столь масштабного мероприятия, к тому же одного из первых в таком формате, хочу передать окружавшую нас, для кого это было еще и работой, и конечно для зрителей, атмосферу большого праздника, волнительную от близкого прикосновения к любимому искусству и его знаменитым творцам, многих из которых довелось увидеть впервые.

Несомненно, подлинным украшением 2-го ММКФ был показанный в последний конкурсный день шедевр Григория Чухрая «Чистое небо», завоевавший Большой приз, и уже упомянутый «Голый остров» Кането Синдо, удостоившийся Гран-при фестиваля. Среди конкурс-

ных кинолент был отмеченный дипломом фильм «Огонь на 2-й линии фронта» вьетнамского режиссера Фам Ван Кхоа.

Не меньшим украшением фестиваля были его гости – звезды мирового кино. Помню, как войдя с группой переводчиков в обеденный перерыв в ресторан второго этажа гостиницы «Москва» (там размещалась большая часть гостей и переводчики, которым выдавали талоны на питание в том же ресторане), мы впервые увидели сидящих рядом за столиком Джину Лоллобриджиду с Элизабет Тэйлор, которая прилетела в Москву к концу фестиваля.

И, конечно же, большим событием 2-го Московского международного кинофестиваля стал заключительный прием для его участников в Кремле. Особое внимание к нему объяснялось участием самого Юрия Гагарина, только три месяца назад совершившего первый в мире полет в космос.

Приглашенные на прием старались протиснуться к главному столу, в центре которого находился ставший уже легендой космонавт, в надежде получить автограф.

Сенсацией приема, о чем потом еще долго писали западные газеты, стало появление в зале Джини Лоллобриджиды и Элизабет Тэйлор в абсолютно одинаковых, к их явному конфузу, белых ажурных платьях. (К приему в Кремле они готовились заранее, заказав свои «эксклюзивные», как потом оказалось не в единственном экземпляре, наряды у известного парижского кутюрье, которому, как писали французские газеты, разгневанная Элизабет Тэйлор позже учинила судебный иск.)

Стоя неподалеку, я наблюдал, как их подвели к космонавту и как более энергичная Джина Лоллобриджида, обводя Юрия Гагарина восхищенным взглядом и энергично жестикулируя, в ожидании автографа что-то сказала ему с завораживающей улыбкой. Стоявшие близко гости отреагировали на это дружным одобрителем смехом. «Что она сказала?» – спросил я, протиснувшись поближе, у знакомого переводчика. «Для Вас, Юра, все звезды доступны!» (Такой мне и моим коллегам-переводчикам запомнилась эта фраза, которую мы еще не раз повторяли, вспоминая кремлевский прием.)

Запомнилась и заключительная церемония вручения наград фестиваля. Когда волнуясь не меньше юной вьетнамской киноактрисы Фам Тхи Нгок Лан (как представительница страны, завоевавшей приз на 1-м ММКФ, она вместе с С.Ф. Бондарчуком поднимала флаг на церемонии открытия кинофестиваля), я переводил ее выступление. В тот вечер мне в первый и последний раз довелось подняться на сцену кинотеатра «Россия». Сразу после закрытия фестиваля он был надолго закрыт на «косметический» ремонт.

Впервые во Вьетнаме

Оставшиеся отведенные на преддипломную практику восемь месяцев, я проработал во Вьетнаме переводчиком группы специалистов Министерства Морского Флота, проектирующих причалы в порту Хайфон.

Не забуду свою первую поездку во Вьетнам, куда отправился в конце августа 1961 года скорым поездом «Москва – Пекин». Весь путь до Ханоя по железной дороге занимал тогда 12 дней, из них пять с половиной (через Читу) до границы с Китаем и дальше более полутора суток до Пекина. Да еще после ночевки там трое с половиной суток по китайской территории до Ханоя, причем с заменой дважды на границе с Китаем и Вьетнамом колесных пар.

На этом долгом пути запомнились трогательные старушки на станции Слюдянка на Байкале, во время краткой остановки предлагавшие пассажирам завернутых в газету копченых омулей. Врезалось в память и то, как после Читы при приближении к китайской границе, когда поезд замедлял ход, вагон-ресторан осаждали следовавшие за нами по бездорожью на «козликах» молодые офицеры, бросавшие через окна официанткам смятые купюры в обмен на бутылки со спиртным и консервы.

На пограничной станции «Забайкальск», которая еще три года назад называлась «Отпор», к нашему железнодорожному составу прицепили долгожданный китайский вагон-ресторан, где мы с попутчиками провели большую часть оставшегося до Пекина пути, расплачиваясь за аппетитную снедь купленными еще в Москве «талонами на питание».

Большое впечатление оставили красочные парад и демонстрация на площади Бадинь в Ханое по случаю вьетнамского национального праздника, куда нас пригласили перед отъездом к месту работы в Хайфон.

Растущая экономика ДРВ срочно нуждалась в расширении пропускной способности главного морского порта страны, и помощь наших опытных специалистов в проектировании новых и реконструкции существующих грузовых причалов была очень востребована. В свободное от работы время готовился к выпускным экзаменам, подчищая текст дипломной работы.

По окончании командировки в апреле 1962 г. я, как и другие специалисты группы, был награжден медалью «Дружба» правительства ДРВ «За оказание помощи вьетнамскому народу в деле восстановления и развития экономики и культуры, в строительстве социализма», которую в торжественной обстановке вручил заместитель министра транспорта.

Назначение в Ханой

На объектах экономического сотрудничества
На линии разлома
«Прошу обеспечить охоту на тигра»
От практики к науке
Памятная встреча с Президентом ДРВ Хо Ши Мином
В Брестской крепости с посланцем народа Южного Вьетнама

**Боевые будни шахтеров Хонгая
«КВ» в легендах и наяву**

На объектах экономического сотрудничества

После сдачи выпускных экзаменов и окончания института в сентябре 1962 года я снова отправился в Ханой, теперь уже в качестве старшего переводчика Аппарата советника по экономическим вопросам Посольства СССР в ДРВ (Представительства ГКЭС в ДРВ).

К месту назначения я отправился в обновке. Перед отъездом в обмен на два ордера, выданные мне в отделе кадров ГКЭС, в секции готовой одежды на верхнем этаже ГУМ'а я обзавелся первым в моей жизни деловым костюмом и пальто отечественного пошива.

Два года работы в Представительстве ГКЭС открыли для меня широкую возможность изучить экономику Вьетнама, получить конкретное представление об осуществляемом при материально-техническом содействии нашей страны восстановлении, реконструкции и строительстве промышленных и других экономических объектов. Постоянно наблюдая за ходом их строительства, присутствуя при вводе в строй 1-й очереди ТЭС Уонгби (там мне довелось впервые переводить беседу с премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом), суперфосфатного завода в Ламтхао, горно-обогатительного комбината Тиньтук, шахт Лангкам и Вангзань, я смог основательнее познакомиться со страной, побывав в ее отдаленных уголках.

Старшее поколение вьетнамцев помнит, сколь значительными были в то предвоенное десятилетие масштаб технико-экономической помощи СССР Вьетнаму, ее роль в восстановлении и строительстве важнейших отраслей экономики ДРВ. Только за период с 1955 года на конец 1964 года Советский Союз оказал материально-техническое содействие в реконструкции и строительстве 18 энергетических объектов, в том числе 10 электростанций без учета подвижных дизельных электростанций (в 1965 году они выработали 40 % всей электроэнергии в стране), в восстановлении или новом строительстве 10 угольных карьеров и шахт (в 1964 году на их долю приходилось 82,3 % всего объема выработки каменного угля в стране), крупного оловоплавильного комбината Тиньтук в Каобанге (100 % производства металлического олова в стране). В эти годы был построен крупный суперфосфатный завод в Ламтхао (свыше 70 % всего производства минеральных удобрений в ДРВ), оснащен первый в стране крупный механический завод в Ханое, сооружен целый ряд предприятий целлюлозно-бумажной, легкой и пищевой промышленности. К 1964 году удельный вес безвозмездной помощи и кредитов всех социалистических стран в поступлениях государственного бюджета ДРВ достиг 80 %.

На линии разлома

За два года работы в аппарате Советника по экономическим вопросам Посольства СССР в ДРВ мне нередко приходилось совершать поездки в различные районы Северного Вьетнама, в основном туда, где на объектах двустороннего технико-экономического сотрудничества трудились наши специалисты. Но когда в феврале 1964 года известный журналист-международник, спецкор газеты «Правда» в странах Индокитая Иван Щедров предложил отправиться с ним в недельную поездку на юг ДРВ до самой демаркационной линии, временно разделяющей по Женевским соглашениям 1954 года Север и Юг Вьетнама, я конечно же сразу согласился².

Эта поездка, последняя в предвоенное время, за полгода до первых бомбардировок территории ДРВ, открывала возможность на месте познакомиться с повседневной жизнью в демилитаризованной зоне в условиях острого идеологического и силового противостояния двух разделенных частей Вьетнама. Осмотр по пути древних памятников и знаменательных мест, помог «привязать к местности» многие факты и сведения, почерпнутые раньше из институтских лекций и книг по истории Вьетнама.

Перелистывая сохранившиеся записи в блокноте, я как бы заново переживаю те далекие события полувековой давности.

Выехав из Ханоя рано утром 17 февраля 1964 года, не доезжая километров пятнадцати до г. Тханьхоа, мы не могли не остановиться у Храма госпожи Чиёу (Den Ba Trieu) и у расположенной справа на холме ее могилы, откуда позднее был перенесен прах этой героической женщины, во многом благодаря личной храбрости и «военной хитрости» которой была одержана историческая победа над китайскими захватчиками в III в. н. э. Осмотрев мельком другие достопримечательности Тханьхоа – родины и вотчины императора Бао Дая, направились дальше в г. Винь. По пути нам встретилась пагода Ан Зьонг

Вьонг (Chua An Duong Vuong), построенная на месте, где по одной из версий король Ан Зьонг Вьонг (257–208 гг. до н. э.), спасаясь от преследования китайских войск, узнав об измене дочери, утопил ее в колодце (по другой – был сам сброшен туда врагами).

В г. Винь, центре провинции Нгеан, родины президента Хо Ши Мина, из бесед с работниками административного и партийного комитетов города узнали о состоянии дел в провинции, осмотрели теплоэлектростанцию, построенную с помощью Советского Союза, сохранившиеся северные и южные ворота крепости, музей Совета Нгетинь, побывали в речном порту Бентхюи в 5-ти километрах от города.

Отправившись на следующее утро в Донгхой, сделали остановку в Хатинь. Расположенная в этой небольшой провинции ровная долина, служившая удобным местом для крупных военных сражений, буквально усыпана могильными холмами, издали похожими на островки посреди безбрежных рисовых полей, тянущихся на многие километры по обеим сторонам дороги. Впечатление такое, будто проезжаешь по костям десятков тысяч захороненных воинов.

До Донгхоя оставалось преодолеть еще 145 км по дороге мандаринов и переправу через реку Зиань шириной 800 метров. По ней в XVI–XVIII веках проходила граница зон влияния между враждующими династиями Чинь и Нгуен.

Наконец, через два часа пути, включая еще одну паромную переправу, мы добрались до конечного пункта нашей поездки – города Виньлинь, находившегося у демилитаризованной

² По условиям подписанного 20.07.1954 г. в Женеве Соглашения «О прекращении военных действий во Вьетнаме» территория страны была временно (до проведения в июле 1956 г. всеобщих свободных выборов, которые были сорваны по вине южновьетнамской стороны) разделена демаркационной линией, проходившей немного южнее 17-й параллели по реке Бенхай. С каждой стороны от демаркационной линии была создана демилитаризованная зона шириной 5 километров. Как подчеркивалось в Заключительной декларации совещания, она «должна служить буферной зоной, чтобы избежать всяких инцидентов, которые могли бы привести к возобновлению военных действий».

зоны (ее установленная Женевскими соглашениями общая ширина – 10 километров, 5 – с каждой стороны), места расположения группы Международной контрольной комиссии по наблюдению за перемирием во Вьетнаме (в нее входили поляки, индусы и канадцы). До реки Бенхай, по которой немного южнее 17-й параллели проходила демаркационная линия, оставалось 7–8 км. С июля 1955 года переход через нее и мост были закрыты.

Из многочисленных свидетельств наших собеседников – политработников, полицейских, местных жителей и представленных нам двух перебежчиков – южан, складывалась картина непрекращающихся нарушений со стороны южновьетнамских властей установленного Женевскими соглашениями 1954 года режима демилитаризованной зоны. В нее за неделю до нашего приезда (по упомянутым соглашениям каждой стороне разрешено было вводить не более 80–100 полицейских, вооруженных только легким стрелковым оружием) проникли два батальона южновьетнамских войск, численностью 1,5 тысячи человек, которые арестовали 34 местных жителя. На южновьетнамской половине демилитаризованной зоны продолжалось строительство под видом школ бетонных сооружений военного назначения, участились обстрелы с южного берега проплывающих по реке рыбацких лодок.

По рассказам собеседников, на обстановке в этом районе сказывался рост активности в последнее время Национально – освободительной армии в соседних южновьетнамских провинциях (ближайший от демилитаризованной зоны освобожденный район находился в 30–40 километрах), особенно после свержения в результате переворота в ноябре 1963 года президента марионеточного правительства Нго Динь Дьема.

Из записанных рассказов, на мой взгляд, достоверно передающих атмосферу, в которой в тот напряженный предвоенный период с обеих сторон демаркационной линии велась активная пропагандистская война, приведу три.

Первая из них – «история о знамени» в изложении (лексика сохранена) начальника отдела пропаганды, редактора районной газеты «Thong Nhat» («Тхонгнят») Нгуен Динь Аня. «До 1955 года по обеим сторонам моста государственные флаги висели на шестах высотой 5–6 метров. В 1955 г. один старик с северного берега увидел высокое дерево и предложил использовать его как древко для знамени, которое повесили на высоте 13–14 метров. На южной стороне не смогли найти такого высокого дерева и использовали как древко металлическую мачту. В 1958 году жители на южном берегу стали говорить, что дерево кривое и недостаточно высокое, чтобы им с южного берега было хорошо видно знамя. И тогда мы установили знамя на высоте 36 метров, с бетонным основанием 42 метра. На этой высоте оно висит до сих пор. В ответ на южном берегу повесили свое знамя на мачте на высоте 38 метров, с фундаментом 45 метров, на два метра выше нашего. Но полотнище нашего знамени все же было больше южновьетнамского. Сейчас население северного берега просит повесить наше знамя повыше и размером полотнища 10 на 15 метров».

Не менее любопытна и рассказанная Нгуен Динь Анем «история пограничного моста». Читаю запись в блокноте: «С самого начала было решено, что ремонт и покраска моста будут проводиться по очереди раз в два года. В 1956 году южная сторона покрасила мост в голубой цвет (в 1955 году он был выкрашен в коричневый цвет). Когда в 1958 году подошла наша очередь и мы покрасили его в красный цвет, южная сторона выступила против, заявив, что половина моста принадлежит им, и сразу перекрасила его в голубовато-зеленый цвет. В 1959 году мы снова покрасили свою половину моста в красный цвет, а южная сторона – в голубой. В 1960 году обе стороны в канун своих национальных праздников опять покрасили половины моста в те же разные цвета – красный и голубой. В 1963 году после того, как мы решили покрасить мост в один с южной стороной цвет, она к своему празднику 26 октября покрыла свою половину моста очень хорошей американской краской *xanh luc* (по описанию близко к темнозеленой), и потом похвалялась, что такой краски у нас не найти. Тогда мы поехали в Ханой, но такой краски там не оказалось. К нам приехали из столицы специалисты, которые

в течение недели изучали вопрос, можно ли изготовить подобную краску из местного сырья. После неудачи эту задачу поручили мастеру Ки (по словам собеседников, он «перешел на нашу сторону с Юга»).

О том, как дальше разворачивались события описано в статье «Встреча с рабочими, покрасившими мост Хиен Лы-онг», которая была опубликована в районной газете «Тхонг-нят» за 20 декабря 1963 года. Цитирую далее по этой газетной статье: «Разве мы не можем, – думал Ки, – приготовить такую же краску как знаменитая американская. Чтобы изготовить ее из иностранного сырья, придется ждать 4–5 месяцев. Надо ускорить работу, чтобы ознаменовать II съезд НФОЮВ и день рождения президента Хо Ши Мина. Я считаю, что покраска моста одним цветом имеет политическое значение. Мы не можем покрасить его худшей краской, чем они». Ки справился с задачей и сам приготовил краску из местного сырья не хуже американской, предварительно изучив образцы цвета ханх лус». «В ноябре 1963 года, – сообщается далее в газетной статье, – бригада маляров из трех девушек – одна из них по имени Тхем и две – по имени Хьонг, во главе с мастером Ки покрасили северную половину моста в тот же цвет, что и южная сторона. Со времени переворота в Южном Вьетнаме в ноябре 1963 года ничего не изменилось и все остается, как прежде», – заключил свою историю Ань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.